

СТАТЬИ

Войцех Смочиньский
Краковский университет
Варшавский университет

Заметки о балто-славянских рефлексах
и.-е. ларингальных*

I. Слав. **stojq* на фоне ведического типа *dáyate*

1. В соответствии с точкой зрения, преобладающей на сегодняшний день, славянская форма наст. времени *stojq* 'стою' (3 ед. *stojitъ*, инф. *stojati*) должна быть рефлексом образования с суффиксом *-ye/o-*, и.-е. **stə-yé-* [Brugmann 1922, 80]¹. В ларингалистической транскрипции это означает **/sth₂-yé-/* [Jasanoff 1978, 115; Mottausch 1998, 150] > [sth₂^aye-], т.е. предполагается, что рефлекс с анапиктическим гласным *a*, который после утраты ларингала подвергся сегментации, отражается как слав. *o*². Такое интранзитивное настоящее время на *-ye/o-* являлось бы, учитывая реликтовый характер корня, результатом замещения старшей редуцированной формы типа др.-инд. *tísthati*, лат. *sistit* < **/sti-sth₂-e-ti/*, которая отсутствует в балто-славянском.

2. По моему мнению, выведение слав. *stojq* из праие. **/sth₂-yé-/* вовсе не является бесспорным; то, что до сих пор оно принято в науке, является простым следствием игнорирования определенной "ларингалистической" трудности, которую выявляет балто-славянский материал, релевантный в данном отношении.

*Данная статья представляет собой расширенную версию нашей работы, которая будет опубликована по-польски в: Maria Wojtyła Świerzowska (red.), *Synchronia i diachronia*. Wyższa Szkoła Pedagogiczna, Kielce, 1999.

Пользуюсь случаем поблагодарить переводчика и редакторов *Slavistic 'u Vilnensis* за подготовку к публикации русской версии статьи.

2.1. Прежде всего следует отметить, что индоевропейская праформа $*/sth_2-yé-/$, которая до сих пор распространялась и на славянский, безукоризненно подтверждается *только* на материале языков италийской группы. Ср. лат. *stō* ‘я стою на месте’, которое через контракцию выводится из $*sta-yō^3$. Переход $*sta-y- < */sth_2-y/$ показывает, что последовательность (C)CHR⁴ отражена в пралат. как (C)CaR. Формула CaR < CHR является некоторым условным сокращением. Латинская фонема *a* заставляет ввести промежуточную стадию вокалического анаптикаса в сочетании согласных [CHR] > [CH^aR]. Фонологизация анапктического *a* произошла лишь после исчезновения Н: [CH^aR] > [CaR]⁵. Примеры развития праие. CHR в лат. CaR на слабой ступени можно найти в таких формах, как *caluor* ‘обольщать; манить, привлекать’ и *calumnia* ‘клевета’ < $*/kh_2l-u-/$, *saliō* ‘прыгать, подсакивать’ < $*/sh_2l-/$, *canō* ‘петь’ < $*/kh_2n-/$, *pangō* ‘вбить, укрепить’ < $*/ph_2-n-g-/$, *tangō* ‘прикоснуться’ < $*/th_2-n-g-/$, см. [Schrijver 1991, 95 и след.; 111 и след.].

2.2. Между тем, при выведении $*sta-ye-$ из праие. $*/sth_2-ye-/$ на балтославянском материале требуется решить определенную фонетическую проблему, связанную с трактовкой ларингального согласного в позиции после согласного и перед *y*. Для этого следует обратить внимание на тот факт, что все известные до сих пор примеры анаптикаса $*a$ в начальном слоге слов балто-славянских языков (так наз. “вокализация *a*”) содержат это $*a$ в основном в позиции перед взрывным (T), ср. /CHT/ > /CH^aT/ > /CaT/, ср. лит. *stātas*, *plakù*, *spragėti*, слав. $*glogъ$, см., например, [Kuryłowicz 1956, 209; 1968, 235]. Здесь следует особо подчеркнуть то обстоятельство, что такое $*a$ не встречается ни перед йотом (как это предполагает принятая формула $*staye- < */sth_2-ye-/$), ни перед каким-либо другим резонантом, если исключить сомнительные рефлексy *o(R)* в ст.-сл. *sporъ* и *solъ*⁶.

2.3. С другой стороны, следует обратить внимание на свидетельства балто-славянских глаголов на *-ye/o-*. Так, в случае, когда формы настоящего времени на *-ye/o-* образуются от корней *ultimae laryngalis* (-CH), то в историческую эпоху в них выступает краткость, а не долгота в предсуффиксальном сегменте: *iR-y-*, *eR-y-*, *aR-y-*⁷, например:

лит. *spiriù* от *spirti* ‘лягать; поддерживать’ < $*/sprh_1-ye-/$;

лит. *giriù* от *girti* ‘хвалить’ < $*/g^w rh_2-ye-/$;

лит. *geriù* от *gėrti* ‘пить’ < $*/g^w erh_3-ye-/$;

лит. *vemiù* от *vėmti* ‘рвать, тошнить’ < $*/wemh_1-ye-/$, ср. лат. *uomit* < атемат. $*womati$ < $*/wemh_1-ti/$ [Schrijver 1991, 396];

ст.-сл. *meljq* от *mlēti* ‘молоть’ < */melH-ye-/ , ср. лат. *molit* < атемат. **melati* < */melH-ti/ [Schrijver 1991, 394];

ст.-сл. *orjq* (*orati*) ‘орать, пахать’ = лит. *ariū* от *árti* ‘то же’ < прабалтосл. **ar-ye-* < */h₂erh₃-ye-/ , ср. греч. *arōō*; лат. *arat* < атемат. **arati* < **HarH-ti* [Schrijver 1991, 399].

Краткость в литовских формах *gir-y-* и т.д., *ger-y-* и т.д. интерпретируем как отсутствие удлинения гласного в эпоху утраты ларингальных согласных. Судя по краткости, процесс *CHy* > *Cy* предшествовал эпохе утраты ларингалов. Суть изменения состоит в упрощении групп согласных с ларингалом, причем это упрощение происходило обычным для и.-е. образом — путем элиминации внутреннего члена группы согласных.

2.3.1. В противоположность позиции *-CH-y-*, где происходит утрата *H* как члена группы из трех согласных, положение ларингального в позиции после гласного *-VH-y-* способствует его сохранению вплоть до момента утраты фонемы *H* в прабалто-славянском. Проявлением этого является удлинение гласного в соседстве с ларингалом, что и демонстрируют следующие формы настоящего времени с суффиксом *-ye/o-*:

лтш. *blēju* от *blēt* ‘блеять, реветь’ = рус.-цсл. *blēju* (*blējati*) ‘блеять (о скоте)’ < */b^hleh₁-ye-/; ср. лат. *fleo* < **flēyō* (*flēuī*, *flētum*) ‘плакать’, перех. ‘оплакивать; сетовать’;

ст.-сл. *zějǫ*, *zějēši* ‘быть отверстым, раскрыться, зиять’ < */g^heh₁-ye-/ от **zēti* (этот первичный инфинитив был вытеснен итеративным инфинитивом на *-a* < *-eh₂-*, ст.-сл. *zǫjati*⁸) < **žiyā-*, ср. также с.-х. *zǫm*, *zǫti*. Балтийский утратил глагол **zēye-* вследствие обобщения слабой ступени **žī-*/ *žiy-* (ср. *zǫjati*). По этой причине в литовском вместо **žėjū* выступает новообразование *žioju* (*būrnǫ*) < **žij-ōju* = слав. *zǫjajǫ*⁹ ‘разеваю (рот)’, утратившее свою первоначальную форму вследствие с и н к о п ы *i* в предударном слоге.

2.4. Образования на *-Cye/o-*, приведенные в 2.3, убедительно показывают, что трактовка балто-славянских фактов должна основываться на допущении об утрате *H*, стоящего после согласного и перед *y*. Следует отметить, что подобная утрата *H* в последовательности *CH-y* была свойственна также староиндийскому языку. Ср., например, вед. *syāti* ‘связывает, вяжет’ < */sh₂-yé-ti/ (полная ступень *sā-*, аог. *ava-sā-t*)¹⁰ наряду с хет. *išhāi-*, 3 мн. *išhianzi* ‘связывают,

вяжут'; вед. *-chyāti* 'рассекает, обдирает шкуру' < */sk'H-yé-ti/; вед. *avadyāti* 'разделяет' < */dh₂-yé-ti/, см. [Mayrhofer EWAI II, 721; I, 558, 717].

2.5. Учитывая приведенные факты, с большой степенью вероятности можно утверждать, что балто-славянское развитие праформы */stH₂-ye-/ указывает скорее на утрату *H* (упрощение сочетания *iHy*), чем на анаптический *a*. Таким образом, мы приходим к выводу, что */stojq не может быть рефлексом праформы */sth₂-ye/, так как последняя должна была бы дать славянское †*stjejq*. Это значит, что */stojq должно быть рефлексом какой-нибудь другой праформы, а не предполагаемой до сих пор */sth₂-ye-/.

3. Такой праформой не могло быть */stoh₂-ye-/, выводимое из */stoh₂-eh₁-/, которую недавно предложил для объяснения ст.-сл. инфинитива *stojati* Beekes [1988, 89]¹¹. Со сравнительной точки зрения, образование на ступени *o* было бы странным из-за его обособленности¹².

4. Заслуживает внимания, однако, следующая возможность. С фонетической точки зрения */stojq можно без труда вывести из праформы */staye-/ < */sth₂aye-/ < праие. */sth₂-éye-/, где слав. *o* < балтосл. *a* < праие. *h₂e*. Это была бы форма наст. времени с суффиксом **-eye-*, присоединенным к предвокалической слабой ступени */sth₂-. Такая форма представляла бы собой архаичное и.-е. образование, подтвержденное рядом примеров из ведического санскрита (о чем ниже), хотя рефлекс */sth₂-éye-/ среди них случайно не засвидетельствован. Гипотезу о форме наст. времени как исходной для */stojq мимоходом высказал еще Курилович при анализе ведических форм, ср.: "В славянском находим *stojq*, *bojq* *se*, которые являются регулярными: **st₂e-*, **bh₂e-*; и.-е. *z₂e* > слав. *o*" [1935, 65]. Однако в позднейших работах Курилович упоминал */stojq только в качестве примера (предполагаемого) рефлекса *o* < праие. *H* в начальном слоге, но без подробного рассмотрения структуры формы¹³. Это свидетельствует о том, что после 1935 г. Курилович отказался от гипотезы тематического образования на *-eye'*. В настоящее время, после многих лет прогресса в области ларингальной теории, возвращение к */stH₂-éye-/ кажется неизбежным, поскольку именно такой прототип в состоянии освободить нас от упреков историко-фонетического плана, которые связаны с реконструкцией */sth₂-ye-/.

5. Ведическими формами, сопоставимыми с **stojq* < **/sth₂-éye-*, являются следующие:

(1) непереходные:

bhayate ‘боится’, 3 л. мн. ч. *bháyante*, < **/b^hh₂-éye-toy/*¹⁴ от **/b^heh₂-/*, чему в праславянском могло соответствовать непереходное **bojq*, позже замещенное в этом значении возвратной формой, ср. цсл. *bojq se*¹⁵;

dáyate ‘делится с кем-либо, получает часть, долю; принимает участие’ < **/dh₂-éye-toy/* греч. *daietai* ‘делится’, гомер. *daietai étor* ‘мое сердце разрывается’¹⁶, от **/deh₂-/* (*nir-ava-dā* ‘дать кому-либо его долю, удовлетворить’);

išáyati ‘набираться сил, становиться более крепким’ < **/h₁ish₂-éye-*, авест. *išaiiant-* ‘набирающийся сил’ Ср. в связи с этим греч. *iāomai* ‘выздоровливать, набираться сил’, представляющее собой инновацию по отношению к **iāmai* < **/h₁i-h₁ish₂-/*, см. [LIV, 208];

(2) переходные:

dhāyati ‘сосать грудь, пить молоко матери’ < **/d^hh₁-éye-*, от **/d^heh₁-/* (*dhārú-* ‘сосущий’, *dhātrī-* ‘кормилица’);

hváyati, -te ‘ритуально кричит, взывает’, авест. *zbaiiā* < **/g^hwh₂-éye-*, от **/g^hewh₂-/* (*hávate* ‘кричит, взывает’) < **/g^hewh₂-e-toy/*);

vyáyati ‘покрывает, закутывает’ = *vy-áya-ti* < **/wih₁-éye-*. Ср. полную ступень в лит. *vejù* < **/weyh₁-e-* по отношению к *výti* ‘вить, свивать’, а также ступень *o* в производном *vainikas* ‘венки’ = *vāini-ka-* от abstractum **vāi-ni-* ‘плетение, сплетенное’ < **/woyh₁-ni-* (ср. цсл. *sěň, dlanь, branь*); цсл. *vьjъ, viti* ‘вязать, вить’, прич. **vity* указывает на обощение слабой ступени **/wih₁-/*;

(3) корни типа анит:

váyati, 3 л. мн. ч. *váyanti* ‘ткуют’ < **/Hw-éye-*, образование от **/Hew-* [LIV, 200], ср. *utá* ‘вытканый’, inf. *ótum, ótave* ‘предназначенный для тканья’;

sprháyanti 3 л. мн. ч. ‘являющиеся усердными, стремятся к чему’ < **/sprg^h-éye-*, ср. греч. *spérkhomai* ‘мчаться, безумствовать’, пассив ‘спешить’.

5.1. Из греческого материала к *daietai* (см. 5. под *dáyate*) можно привести еще два глагола на *-eye-*:

dēō ‘вязать, путать’ < **/dh₁-éye-* наряду с вед. *ā-dyati* ‘вяжет, связывает вместе’ < **/dh₁-ye-*; ср. полную ступень < **/deh₁-/* в греч. *hypódēta* ‘обувь, сандалия’, вед. *dāman-* ‘вязание’;

agrédō ‘схватить, взять’ < */h₂gr-éye-/ , наряду с образованием с полной ступенью *ageirō* ‘собирать в одно, нагромождать’ < */h₂gér-ye-/ .

5.2. Наконец, необходимо отметить, что недавно García-Ramón [1993, 118 и след.] обратил внимание на наличие настоящего времени типа *CC-éye-* также и в латинском. По его мнению *praes. transit. cēnsēt* ‘оценивает’ может восходить к */k^hŋs-éye-/ , в то время как основа инфинитива *cēns-ē-re* может отражать стативное образование с суффиксом *-eh₁-*, */k^hŋs-eh₁-/ со значением ‘полагать, судить’¹⁷.

Таким образом, из приведенных примеров видно, что формы наст. времени на *-éye-* образовались по модели, похожей на механизм образования “thème II” */sth₂-/ , */b^hh₂-/ , */dh₂-/ и т.д. Бенвениста, см. [Benveniste 1935, 147 и след.].

6. В случае */sth₂-éye-/ , **stojq* мы имеем дело с формами наст. вр., образованными от основы аориста */steh₂-/ (вед. *ásthāt* ‘встал’); поэтому вполне вероятно то, что этимологическим значением этой формы было ‘останавливаюсь’ = ‘перестаю идти’, а не ‘стою’, как это отмечено в историческую эпоху. Если бы в древнеиндийском были соответствующие формы **stáyate* или **stáyati*, то и они наверняка имели бы значение совершенное (терминативное), а не ингрессивно-стативное, как это мы наблюдаем в вед. *tiṣṭhati* ‘становится’ наряду с ‘стоит; находится, пребывает где-либо’

7. Таким образом, с точки зрения этимологии **stojq* требует сегментации **st-oje-*, так же как *bojq (se)* требует анализа **b-oje-*. Это означает, что *o* первоначально принадлежало не корню, а суффиксу, составная часть которого **e*, следующее за *h₂*, перешла вследствие персеверативной ассимиляции в *h₂a*. Возможность этой замены подтверждается целым рядом рефлексов. Самыми важными из них являются те, которые показывают слав. *o* в сочетании: корневое *h₂* + суффиксальное *e* (примеры 1 и 2):

(1) слав. *o* как составная первоначального суффикса **-el-*: ст.-сл. *solъ* ‘соль’ < праслав. **sali* < балтосл. **sal-i-n* ⇐ **sal-in* < и.-е. асс. sing. */sh₂-él-m/. Ср. лат. *salem* = *s-al-em*, греч. *h-ál-a* [Kortlandt 1985, 119; Schrijver 1991, 98]. Ст.-сл. номинатив *solъ* по своему происхождению является аккузативной формой;

(2) слав. *o* как часть первоначального суффикса **-es-*: ст.-сл. *nosъ* ‘нос’; тематизированный дериват **nas-a*¹⁸ вытеснил балтосл. **nas-i-* (прасл. **nosъ*, гер. **nosi*). Старшая основа на *-i-* была, как это часто встречается в атематических балто-славянских формах (см. [Skardzius

1956, 160 и след.]), продуктом переразложения в асс. sg. **nas-in* < и.-е. **/nh₂-és-m/* как **nas-i-n*¹⁹. Полная ступень основы **/néh₂-s-/* отражена в вед. *nāsā* dual. 'две дырки в носу', лат. *nāres* 'ноздри', а также в прабалтийском пом. sg. **nās-* < и.-е. **/néh₂-s-ø/*, откуда лат. *nās* и лит. *nósis, -ies* fem. 'нос', получившее тему *-i-* по аналогии;

(3) ст.-сл. *ostrъ* 'острый' (лит. *āštras, aštrūs*) < **ašra-* < **ak'ro-* < и.-е. **/h₂ek'-ro-/*, ср. греч. *ákris* 'шпиль, макушка', лат. *acer* 'острый, колющий';

(4) ст.-сл. *osъ* 'ось колеса' (лит. *ašis*) < **ak's-i-*, от и.-е. **/h₂ek'-s-/*, ср. греч. *áksōn*, лат. *axis*;

(5) изменение *h₂e > h₂a > a* в пределах грамматической морфемы обычно иллюстрируется ссылкой на окончание 1 sg. perfecti act., напр., греч. *foída* = др.-инд. *véda* 'знаю' < и.-е. **/h₂woyd-h₂e/*.

После фонетических изменений, которые привели к превращению */sth₂eye-/* в **/sth₂aye-/ > *staye- > *stoje-*, сегментация *sto-je-* в праславянском установилась благодаря поддержке глаголов на *-ye-*. Только начиная с этого времени *sto-je-* становится в один ряд с формами типа лат. *stō* < **stayō* и умбр. *stahu*, прототипом которых было **/sth₂-yé-/* (см. выше 2.1), но не **/sth₂-éye-/*.

8. В славянской системе *stojq* 'стою' (*stojati*) является дуративом по отношению к ингессивам: несовершенного вида *stajq* 'встает, останавливается' и совершенного вида ('эвентивного') *stanq* 'стану'. Алломорфизм лексической морфемы основывается на чередовании *sto- :: sta-*. Обе эти формы в смысле *genus verbi* находятся в оппозиции по отношению к *stojq*, являясь славянскими инновациями. Вокализм *stanq* < **stā-ne-* выдает природу собственно славянского настоящего времени, которая образована на основе полной ступени формы аориста: *sta* (*staxъ*) < **/steh₂-/*²⁰, ср. др.-инд. *ásthāt* 'стал', греч. *éstē*. Соответствующее соотношение в литовском представлено *stóviu* 'стою' (*stovėti*) :: *stóju* 'стать' (*stóti*). Данное соотношение младше славянского в двойном смысле: во-первых, в нем отсутствует слабая ступень типа **stajū* < **/sth₂-éye-/*²¹ и, во-вторых, обобщение основы аориста **stā-* сопровождалось здесь развитием новообразования **stāw-i/ē-* в форме с дуративным значением²².

9. Протослав. **staye-* изменялось по атематическому типу, подобно соотносящимся с ним ведическим формам настоящего времени, о чем говорилось выше (см. 5). То, что в историческую эпоху *stojq*, *stojitъ* принадлежат к стативам на *-i/-ē-* [Vaillant 1966, 392], является результатом преобразования более старой непереходной основы на

-ye- в основу, характерную для продуктивного класса глаголов состояния: *stojitъ*, *stojali* (**stojěti*) как *goritъ*, *gorěti* и т.д. Как точно заметил Jasanoff [1978, 115, прим. 40], переход **stoje-* в класс **stoji-* мог быть следствием появления наряду с настоящим временем на -ye-, характерного для стативов инфинитива с суффиксом -ē- < *-eh₁-.

9.1. Так же, как **stoje-*, было интерпретировано **boje-* < */b^hh₂éye-/ (см. 5): ст.-сл. *bojiti sę* 'боится', inf. *bojati sę* (стативно-дуративное наст. время) — вместо унаследованного **bojetъ* (как первичной формы наст. времени).

10. Обращает на себя внимание полное отсутствие в славянском рефлексов нулевой ступени и.-е. */b^hih₂-/ < и.-е. */b^hh₂i-/ вследствие метатезы, ср. др.-инд. *bhūtá-* 'напуганный' и т.д. (см. прим. 11). Нулевая ступень характерна для балтийских рефлексов, ср., с одной стороны, первичный латышский глагол *bī-tiēs* 'бояться', праes. *bistuōs*, праet. *bijuōs*; с другой стороны, лтш. *bijātiēs* = лит. *bijóti(s)* 'бояться' :: прус. праes. *bia* = [bija], inf. *biātwei* = [bijātvei] 'то же', которые продолжают прабалт. **biy-ā-*, т.е. дуративные формы от **bī-*, и добавим, с суффиксом -ā- < *-eh₂-, синонимичным по отношению к -ē- < *-eh₁- славянской формы **bojěti* (о балтийских формах со ступенью 0 от **bī-* см. [Trautmann 1923, 24]).

10.1. Здесь возникает вопрос о том, не следует ли отнести славянские глаголы 'боюсь' и 'бью' к одному этимологическому гнезду. Кажется вероятным, что метатетическая слабая ступень */b^hih₂-/ 'бояться' могла бы стать подлинным этимологом для слав. **bьjъ*, **biti* 'бить, ударять; вбивать (кол), колоть (рогами)' и т.д.²³ С формой */b^hih₂-/ ее могло бы связывать исходное значение 'вызывать страх, грозить', которое позднее приобретает значение 'спугивать, особенно скот, при помощи побоев, укулов острогой', ср. лит. каузатив *bý-dyti* со значением: 'заставлять встать, двигаться, сменить место' по отношению к скоту наряду с лтш. *bīt* 'пихать, двигать и т.п.' (солидный анализ этой группы слов дал V. Urbutis [1981, 108 и сл.]).

11. Как славянское *stojъ*, так и praesentia др.-инд. *dáyate*, *dháyati*, *hváyati* (см. 5) составляли в историческую эпоху лишь пережитки предшествующей системы. Асиллабичные формы нулевой ступени вроде *d-*, *dh-*, *hv-* перестали восприниматься как корни, т.к. продуктивные формы на -aya- < *-eye- требовали силлабических основ. По этой причине произошла морфологическая регуляризация исключе-

ний. Она основывалась на их ресегментации по примеру доминирующих тематических основ наст. времени I класса на *-e-, именно таких, у которых корень заканчивается на -ay-. Так, по примеру форм типа *náy-ati* ‘ведет’ < */neyH-e-/ , *páy-ate* ‘увеличивается’ < */peyH-e-/ , а также *aniṭ*-корней типа *śráy-ati* ‘опирает’ < */k’ley-e-/ было реинтерпретировано: (1) старое */dh₂-éye-/ *d-áya-te как *dáy-ate*, (2) старое */d^hh₁-éye-/ *dh-áya-ti как *dháy-ati* и (3) старое */g^hwh₂-éye-/ *hv-áya-ti — как *hváy-ati*. Следствием этого преобразования являются индийские неокорни на -ay-, ср.:

(1) *day-* ‘получить в доле’ вместо старого *dā-* ‘делить, отделить’ < */deh₂-/, ср. нулевую ступень *t* в *nir-áva-t-ta-* ‘полностью поделенный’ < */dh₂-to-/ , *nir-ava-t-ti-* ‘возмещение убытков, компенсация’ < */dh₂-ti-/;

(2) *dhay-* ‘сосать, пить молоко матери’ вместо старшего *dhā-* < */d^heh₁-/, ср. *dhārú-* ‘сосущий’, *dhāyas-* п. ‘подкрепление, освежение’, саус. *dhā-páyati* ‘дает сосать’, *dhātave* ‘для питья’, *dhātrī-* ‘мама’;

(3) *hvay-* ‘взывать при жертве, звать’ по отношению к более древнему *hav-* ‘то же’ < */g^hewh₂-/, ср. праес. *hávate* ‘взывает, кричит’ (:: ст.-сл. *zovq*, *zъvati* ‘звать’, лит. *žaviù*, *žavėti* ‘очаровывать, захватывать’).

12. Важным аргументом в пользу гипотезы о ресегментации являются морфонологические чередования. Если наряду с *dhā-* < */d^heh₁-/ ‘сосать, пить, пить молоко матери’ появляется нулевая ступень *dhī-* < */d^hih₁-/, *dhīá-* ‘(вы)сосанный’, *dhītvá* ‘тот, который сосет’, то единственным способом объяснить эту ступень может быть предположение о том, что это редукция не */d^heh₁-/ (что дало бы †*dhitá-*), а именно неокорня */d^hh₁éy-/ ⇐ */d^hh₁-éye-/ (вед. *dhay-*, *dháyati* ‘сосет’). Первоначально в результате редукции возникает */d^hh₁i-/ (*ey* ⇒ *i*), а после метатезы *H* как интерферирующего фактора (см. прим. 14) — */d^hih₁-/ > вед. *dhī-*. Допущение о метатезе ларингальной согласной в соседстве с *y* на нулевой ступени, производной от неокорня, который, в свою очередь, основан на базе старого презенса на -eye-, позволяет простым способом выяснить алломорфизм типа др.-инд. *dhā* :: *dhay-* *dhī-* ‘сосать’ и обойтись без гипотезы о “долгом и.-е. дифтонге в **dhēy-*”, который якобы должен был терять сегмент *y*, попадая в предконсонантную позицию на полной ступени²⁴.

II. Слав. *dojq* и ведическое *dháyati*

1. В заглавном слове **dojiti* [SP 1974, IV 37–38], подписанным Т. Шиманьским, описываются ст.-сл. *doiti*, *dojq*, *doiši* ‘кормить грудью’, а также цсл. ‘дойть, *mulgere*’, ст.-сл. *izdoiti* ‘накормить (ребенка) грудью’, *otъdoiti* ‘отстранить (ребенка) от груди’ и т.д., как *causativum* от незасвидетельствованного слав. корня **di(ti)* ‘сосать’. Принимается при этом, что (1) *oj* является ступенью *o* к *i* < **i* подобно как в формах **pojiti* **piti*, **gojiti* **žiti*, **kojiti* **čiti*, (2) что исчезнувшее **di(ti)* было нулевой ступенью формы **dhē(i)-* (транскрипция В. Шульце), т.е. корня с долгим дифтонгом, критическое отношение к которому было уже нами высказано выше. Представленное описание в основном совпадает с [Trautmann 1923, 51], но при этом умалчивается о реконструкции Вайана [1966, 417]²⁵; в целом же оно выполнено без учета данных современной индоевропеистики.

2. То, что **diti* не представлено в славянском, можно было бы объяснить как случайность, если бы не тот факт, что в балтийском и германском рефлексы */d^hi₁-/ также неизвестны. В этой ситуации следует быть осторожным и скорее допустить, что метатетическая нулевая ступень, о которой известно *исключительно* из ведического (*dhītá-* ‘сосанный’, см. [Maurohofer EWAI I, 776]), в северных и.-е. языках вообще не появилась. Это согласовывалось бы с современными представлениями о том, что и метатеза праие. ларингальной, и ее исчезновение, влекущее за собой появление новых гласных *ī* (**iH*), *ū* (**uH*), были явлениями эпохи распада праиндоевропейского языка на диалекты. Если это так, то общее мнение, согласно которому **diti* должно было дать основу *dojiti*, повисает в воздухе. Рассмотрим в связи с этим факты северных индоевропейских языков.

3.1. В с л а в я н с к о м имеем (1) *doj-* предвокалическое в вербальной форме *dojiti* и (2) *dě-* предконсонантное, но исключительно в именных формах: ст.-сл. *děť*, *-i* fem. coll. ‘детвора’, ст.-схр. *dījet*, *-i* ‘то же’, ст.-чеш. *dietě*, *-i* ‘то же’, вторично плюрализованное в (ст.-сл.) *děti* ‘infantes, filii et filiae, pueri et puellae’; *děva* ‘девочка (девушка), девица’. Ни одна из этих форм не является мотивированной с синхронической точки зрения. Интересно, что в [SP III, 172, 176] не обсуждается вопрос о том, является ли *dě-* в производных *děť*, *děva* из **dě-* (как в балтийском и германском, см. ниже), или же оно имеет *ē* из монофтонгизированного *ou*, принесенного из *dojiti* в предконсонантную позицию (**doy-C*). Наш ответ на этот вопрос состоит в

следующем: поскольку *děť* по структуре аналогично **znat̃ fem. coll.* 'знакомые' (ср. рус. *знать* 'аристократия') < **žnō-ti-* < **/g'neh₁-ti-*/, в котором корень является апофонически *устойчивым* (ср. отсутствие нулевой ступени несмотря на первичный суффикс), то более правдоподобной является реконструкция **dē-ti-* < **/d^heh₁-ti-/*²⁶. В свою очередь *dēva*, стоящее рядом с *adi. dēṽ masc.* 'девичий, девственный, невинный' [SP III, 189], с учетом первичного характера суффикса **-welo-*, также следует считать производным от корня **dē-*, а не от **day-C*, ср. вед. *dhā-rú* 'сосущий', *dhā-trī* 'кормилица'.

3.2. В балт и й с к о м отсутствует предвокалический алломорф **day-*, который бы соответствовал славянскому **doj(i)*. В значении 'сосать' выступает только один вариант корня, именно **dē-* < **/d^heh₁-/*. Он представляет собой предконсонантную полную ступень типа вед. *dhātave* 'для сосания' и слав. **děť* 'детвора'. Это **/d^heh₁-/* отражено в первичном латышском глаголе *dēt, dēju* 'сосать грудь матери', и в именных формах *dēls masc.* 'сын' < **dē-la-* (sb. 'ососок' < *adi.* 'сосущий'²⁷), а так же в *dēle fem.* 'пиявка'²⁸. Литовский отличается от латышского тем, что имеет только немотивированную отглагольную форму *dėlė fem.* 'пиявка' (диал. *dielė* имеет вторичный дифтонг). Унаследованный от и.-е. глагол **dēti* был вытеснен *žindu, žįsti intrans.* 'сосать сосок матери, пить молоко матери', *trans.* 'доить грудь или вымя' Аналогично в славянском старое **dēti* должно было быть вытесненным неологизмом *sъsati*, см. II, 6.

3.3. В германских языках обнаруживаются рефлексы двух апофоничных ступеней. С одной стороны, здесь отражена первичная предконсонантная полная ступень **/d^heh₁-/*, засвидетельствованная в с.-в.-н. *tāju* < **dēja-* (ср. лтш. *dē-*, лит. *dė-* и слав. *dě-*). С другой стороны, известны также ст.-швед. *dīa* и норв. *die*, которые в свете анализа Lindeman'a [1997, 121] восходят к основе с кратким гласным **dija/i-* < **dejale-*, и потому они могут соответствовать вед. презенсу *dháyati* 'сосет' < **/d^hh₁éyeti/*²⁹.

4. Сосуществование в германских языках рефлексов **/d^hh₁éy-e-/* и **/d^heh₁-/* важно по двум причинам. С одной стороны, этот факт показывает, что ведийское отношение *dháy-a-* :: *dhā-* имеет европейские соответствия, что свидетельствует о его праиндоевропейском характере. Можно допустить, что реинтеграция форм презенса на *-ey-* типа **/d^hh₁-éy-e-/* ⇒ **/d^hh₁éy-e-/*, ведущая к образованию неокорня **/d^hh₁ey-/*, произошла как параллельная инновация в уже выделив-

шихся группах и.-е. диалектов. С другой стороны, сосуществование германских форм */d^heh₁-/ и */d^hh₁ey₁-/, среди которых отсутствует */d^hih₁-/ (в результате метатезы из */d^hh₁y₁-/), может служить опорой для оценки состояния в праславянском. Предлагаю принять, что в определенный предысторический момент положение в праславянском было подобно ситуации в германском. Следовательно, праславянский имел, видимо, две формы:

(1) более старую полную ступень в виде *dĕ-, составляющую основу переходного наст. времени *dĕjq 'доить грудь (о ребенке), сосать вообще' (:: лтш. *dĕju*, с.-в.-н. *tāju*), а также дериватов *dĕtĕ, *dĕva;

(2) более новую полную ступень *deye/o-, типа германского *deje/a- < */d^hh₁ey₁-e-/, которая в праславянском, однако, использовалась со значением интранзитивно-медиального презенса — '(о ребенке) сосать себе сосок матери = кормиться молоком матери'.

5. Полагаю, что именно на основе такого интранзитивно-медиального презенса *dejq в праславянском развился каузатив со ступенью *o*: *dojq, *dojiti 'даю сосать; (делаю так, что) сосет, пьет; пою молоком матери'. Что касается ступени *o*, то здесь достаточно параллели в виде *iočq, *iočiti '(делаю так, что) бежит, льется, плывет :: intrans. *iekq 'бегу, теку'. Когда для объяснения *dojiti предполагаем исчезнувшую основу *dejq, то поступаем совершенно так же, как ранее, когда постулировался исчезнувший презенс *presq для объяснения *prositi 'просить' в виде предысторического каузатива-итератива со ступенью *o*: */prok'-eye-/ ← */prek'-e/o-/. Ср. сохранившееся в латинском языке противопоставление *prok-* :: *prek-*, *prociō*, *-ere* 'добиваться руки' :: *precor* 'просить (что-то для себя), молиться'.

6. Ситуация в славянском в историческую эпоху, как кажется, обусловлена следующими двумя инновациями. Первая, лексическая, состояла в вытеснении презенса trans. *dĕjq (= лтш. *dĕju*, с.-в.-н. *tāju*) неологизмом *sъsq* 'сосу', inf. *sъsati < *sus-ā < и.-е. */suk'-eh₂-/, от */sewk'-/ 'сосать', ср. д.-в.-н. *sougen* 'давать сосать, поить' < */sowk'-eye-/. Традиционная реконструкция *sъsq* < *sup-se- кажется странной как из-за предполагаемого корня *sewp-/ *sup- (обозначавшего 'мести', ср. лит. *supù*, *sùpti*, цсл. *sъpq*, *suti*), так и из-за суффикса *-se-*.

Другая инновация заключается в замещении вербальных форм с медиальным значением перифразами с возвратной частицей *sq*. Это приводит к замещению непереходного praes. *dejq (:: вед. *dháyati*) reflexivum неологизма *sъsq, или же *sъsq *sobĕ*. В этот момент *dojq, *dojiti перестало быть каузативом и превратилось в немотивированный глагол, сравнимый, например, с *bojq (см. I,5 и I,9.1).

7. В связи с тем, что формально **dojq* было оформлено как итератив типа **nošq* (**nositi*), **voždq* (**voditi*), то развитие в отдельных языках шло по модели этой категории, что приводило к возникновению различных итеративно-интенсивных значений. Ср. для примера польск. диал. *doić* 'сосать молоко из груди матери', а также: 'тянуть, потягивать', 'жадно пить напиток; лакать, хлестать', общеслав. 'дойти корову, козу, овцу = вытискать молоко из вымени' и т.п., см. [SP IV, 36 и след.].

8. Предложенная гипотеза о праслав. **dejq* не является совершенно новой. В своем ключевом моменте, каким является предположение о суффиксе праие. *-eye-*, она возвращает к идее, высказанной еще молодым Куриловичем, ср.: "Le présent *dojq* seul semble faire difficulté. On attendrait **dejq*, si le verbe slave continuait un **dh₂éjē-* indoeuropéen. Mais *dojq* semble une formation causative proprement slave, comme *gojq* et *pojq* (Trautmann *Baltisch-Slavisches Wörterbuch* s.v. *dějō*; cf. les infinitifs *gojiti*, *pojiti*)" [Kuryłowicz 1935, 65]. Впоследствии эта идея была им отброшена и, как было показано выше, отброшена совершенно незаслуженно.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ Точка зрения Вайана [1966, 392] о том, что **stojq*, **stojati* являются своего рода обратными апофоническими дериватами от imperfectivum **stajq*, **stajati*, не нашла поддержки у исследователей.

² Говоря о трактовке группы CCh₂y, которая разбивается вставной гласной (> h₂*y), пользуюсь термином *анаптикс гласной* для того, чтобы избежать традиционного термина 'вокализация э'. Последний термин несовместим с шумным характером ларингальной фонемы, а также противоречит анатольским данным, в которых имеются унаследованные сочетания с H как минимум, типа RHC, ср., напр. хет. *sanhzi*, *parhzi*, *walhzi* [Lindeman 1997, 158].

³ Ср. также 2 sg. *stās* < **sta-ye-s(i)* [Leumann 1977, 126], как и умбр. *stahu* 'ich stehe' = /stā'u/ с h, устраняющим зияние, которое появилось после исчезновения ларингальной [Meiser 1986, 54, 118].

⁴ C = согласный, H = ларингальный спирант, R = резонант (y, w, r, l, n, m).

⁵ При этом не учитывается германская форма — с.-в.-н. *stēi* 'становится' < **staj(i)þ*, 3 pl. *stānt* < **stajanþ*. Ее нельзя ставить в один ряд с латинским *stō* < **stayō*. Она представляет собой собственно немецкий *деноминатив* от основы *sta-*, которая была выведена из *adi. verbale stat-* :: др.-исл. *staðr* < **/sth₂-tó-/* 'стоящий, тот который встал, остановился' (гот. *stafs* 'Ort, Stätte' в результате субстантивизации). Об этом см. [Mottausch 1998, 151] с литер.; приблизительную параллель для немецкого *деноминатива* представляет собой литовский фактив *statyti* 'поставить, установить' (см. там также прим. 19, где рассматривается и лāt: *statuō*).

⁶ Принимаемое до настоящего времени сравнение **sporь* 'выделяющийся, буйный, значимый и т.п.' с др.-инд. *sphirá-* 'толстый, жирный' < праие. */sph₁-ró-/ (см. напр. [Trautmann 1923, 274; Kuryłowicz 1956, 209]) не для всех является убедительным. Так, Mauryhofer [EWA II, 778 и след.] для *sphirá-* в качестве единственного соответствия указывает лат. *prosperus* 'счастливый, благополучный' < **prō-spa-ro-*, минуя тем самым не только слав. **sporь* :: **spēti*, но и лит. *sparūs* 'быстрый, шустрый' :: *spėti*, а также др.-исл. *sparr* 'бережливый'.

Beekes [1988, 89] (вслед за Kortlandt'ом) возводит **sporь* к праславянской трехслоговой форме **z̥sporь*, реальность которой мотивируется акцентуацией с.-х. *spōr*. Эту идею поддерживает Schrijver [1991, 93, 380].

Из-за недостатка примеров на славянские рефлексy *CoR* < праие. */CHR/ в начальном слоге отказываясь от реконструкции ст.-сл. *stolь* 'стол' < */sth₂-lo-/ и **solь* 'соль' < */sh₂-l-m/, предложенной в [Smoczyński 1998, 81]. Что касается возведения слав. асс. sg. *solь* к праие. */sh₂-él-m/, см. 7. На традиционной гипотезе о "вокализации" *H* в начальном слоге настаивает Matasović [1997, 135]; он выводит форму им. падежа **solь* из гентивной праие. формы */sh₂-l-és/. Более верной кажется позиция Kortlandt'a [1985, 119], который принял асиллабический славянский рефлекс **sl-* вместо *sh₂l* гентива */sh₂-l-ós/.

⁷ Эта краткость находится в оппозиции к долготе корневых *iR-T*, *eR-T*, *aR-T*, которая свойственна инфинитивным формам; долгота в них мотивирована консонантным характером суффикса инф. *-ti-*.

⁸ Цитируют этот пример из ст.-сл. [Sadnik, Aitzetmüller 1955, 166]. У Trautmann'a [1923, 368] нет ст.-сл. *z̥jati*; он ссылается только на новые формы с удлинненной ступенью *zija-*: ст.-сл. *zijaq*, рус. *зияю*.

⁹ Об этом см. [Smoczyński 1989, 84]. Fraenkel [LEW, 1312] не приводит праформы для *žióti* и не вспоминает о синкопе. Синкопу в *žióju* < **žijóju* удостоверяют: (1) лит. *niókoti*, *-oju* 'портить, опустошать' (также *niók-ioti*, *-ioju*) < **nijók-oti*, деноминатив от *nijóks* 'ни один'; (2) лит. *nialgi* 'разве нет?' < *nijaigi* < *ne-jaū-gi* (ср. рус. *не-уже-ли*); (3) лтш. *nāka* fem. 'etwas Nichtiges, Kleines' < **nijāka*. Предложенное сравнение пралит. **žij-óju* = слав. *z̥j-a-* приводит к отбрасыванию реконструкции морфологически необоснованного прабалтослав. **žyāyō*, которое Trautmann [1923, 368] механически выводит из лит. *žióju*. После войны эту реконструкцию принимал Вайан [1966, 291], но следует отметить, что Stang [1966, 309 и след.] в разделе о глаголе не цитирует *žióti*; скорее всего из-за того, что не считает эту форму однозначной. За Trautmann'ом не критически следует Schrijver [1991, 243], который идет значительно дальше, возводя прабалтосл. **žyāyō* к праие. */g^hieh₂-/, хотя нигде, кроме как в литовском, эта форма следов не оставила. Абсурдность его конструкции заключается в том, что после вычленения суффикса *-eh₂-* остается форма */g^hi-/ , которую невозможно считать корнем. Существовало только */g^hih₁-/, ср. лат. *hiscō* 'открыть уста', ст.-сл. *zinqti* и англосакс. *ginan* ← *g^hi-n-h₁-. Взаимоотношения полной степени прабалтосл. **žē-* и нулевой ступени **žī-C-* (ст.-сл. *zinqti* 'khaínein', рус. *зинуть* 'выдохнуть') :: **žiy-V-* (ст.-сл. *z̥jati*) относятся к числу проблем, обычно излагаемых очень неясно, см. [Fraenkel LEW, 1312 и след.; Vailant 1966, 291]; о лат. *hī-* :: *hiō* см. [Walde-Hofmann 1938, 648 и след.; Schrijver 1991, 142, 243]. Кажется очевидным, что чередование *ē* и *ī* не может быть обусловленным ни одной из исконных апофонических оппозиций. Понимание предисторической ситуации становится возможным лишь благодаря ларингальной транскрипции: */g^heh₁-/ **g^hih₁-/*. Нулевая ступень в виде метатетической формы */g^hih₁-/ < */g^hih₁-/ должна быть инновацией, заменившей */g^hh₁-/ (ср. греч. *khá-skō*). Ввиду

вокализма *i* мы должны принять, что нулевая ступень */g^hh₁i-/ была образована из полной ступени неокорня */g^hh₁ye-/ или */g^hh₁ey-e-/ , который в свою очередь был продуктом дезинтеграции презенса на *-ye/o-, */g^hh₁ye-/ или *-eye/o-, */g^hh₁eye-/ (более подробно об этом [Smoczyński 1999]; иначе, чем в [LIV, 153], где исходят из йотированной формы корня *g^heh₁i-). Об аналогичных процессах дезинтеграции форм презенса на -y-, которая приводила к появлению новых нулевых ступеней с гласной *i*, будет неоднократно говориться на всем протяжении статьи.

¹⁰ В связи с этим следует обратить внимание на основу наст. времени лит. (диал.) *sejũ* 'связываю' (praet. *sėjaiũ*, inf. *siėti*). Вокализм *e* в *sej-ũ* не может восходить к исходной форме типа */seh₂ye-/ , поскольку такая праформа дала бы **sah₂ye* > лит. *šajũ*. В основе *sejũ* несомненно лежит */seyh₂e-/ , т.е. тематическое образование на -e- от неокорня */seyh₂-, который возник в эпоху образования и.-е. диалектов как дериват от нулевой ступени */sih₂-. Последний корень является следствием метатезы *H* в основе */sh₂y-/ , возникшей в результате дезинтеграции формы наст. времени на -ye-: */sh₂y-é-ti/ ← */sh₂y-é-ti/, ср. вед. *syđti* (первичной полной ступенью которого было *sā* < */seh₂-, аог. *ávasāt* 'должен развязать' (аналогия см. в прим. 14).

¹¹ По мнению автора, слав. *j* < **y* является глайдом, заполняющим hiatus после исчезновения *H*, аналогично литовскому *v* < **w* в *stovėti* 'стоять'. На мой взгляд, ставив лит. *stóvi* 'стоит, остается на месте' представляет собой деноминативный глагол ('стоит' = 'есть стоящий') от прилагательного **sto*-*vas* 'стоящий'. Аналогично, в славянском форма **staviti* 'ставить, побуждать, чтобы встал' является каузативом от **sta*-*vъ* 'стоящий, поставленный' < */steh₂-wo-/. Лит. *stõvai* masc. pl. 'кросна' с *pastovùs* 'постоянный' свидетельствуют в пользу нашего предположения. Ср. также ст.-сл. *oživiti* 'оживить', образованное от **ži*-*vъ* и лит. *atgyvėti* 'стать здоровым' от *gyvas* :: праие. */g^hih₁-wo-/ от корня /g^hye_h3-/.

В настоящее время Mottausch [1998, 149 с литер.] ренимирует старую гипотезу о преобразовании "перфекта на -u-" типа др.-инд. *tastháu*, *dadáu* в балтийские стивы на -*vi* (лит. *stóvi*) < *-*u* + *i*-. Это чисто умозрительное построение, поскольку (1) перфекты на -*au* представляют собой особенно чисто индийскую, связанную с корнями на -*ā* (*dā*-, *dhā*-, *sthā*-, *prā*-), и (2) их развитие связано с расширением *долгой* ступени морфологически не очень ясной морфемой *u*. Ср., напр., *dadáu* 'дал' < /de-dōh₃/ + /u/, где долгий дифтонг представляет собой результат стяжения после исчезновения интервокального *H*, см. [Kuryłowicz 1935, 39].

¹² Действительно, *uo* в лит. *stuomiũ*, *stúomeni* 'стан, талия' предполагает праформу со ступенью *o*, **stōmen*- < */stoh₂-men-/, однако тот факт, что в образованиях на -*men*- обычно выступает корневой *e* (ср. греч. *stēmōn*, доп. *stāmōn* 'основа (ткацкая)', лат. *stāmen* 'то же', гот. *stōma* 'Grundlage, Stoff' < */steh₂-men-/, показывает, что *uo* в *stuomiũ* является вторичным на месте *o* < **ā* < **eh₂*. Более старая литовская форма, в согласии с древними языками, звучит *stomiũ*, *stōmeni* 'стан' (ср. *stóti* 'стать' < */steh₂-tey/). Вторичное *uo* на месте **o* находим также в лит. *búožė* 'палка с утолщением на конце и др.' вместо **bóžė* < **bāž*-*iyā*. В данном случае имеем дело с дериватом от **bāžu*-, и.-е. названия 'плеча, локтя как меры длины', праие. */b^heh₂g^h-u-/, вед. *bāhú*-, авест. *bāzu*- 'плечо; передняя лапа' = греч. *pēkhus* m., зол. *pākhus* 'плечо, локоть (мера длины)', лат. *trifās*, *fācis* 'оружие длиной в три локтя'.

¹³ [Kuryłowicz 1956, 208; 1968, 235]; в отличие от [Kuryłowicz 1935, 65], форма *stojq* в этих работах упоминается без *bojq* *se*.

¹⁴ Праформа согласно [Kuryłowicz 1935, 65]. В настоящее время Maithofer [EWA I Π, 246] указывает исходную форму */b^heyH-/, но реконструкцию презенса, предложенную Куриловичем, не цитирует и не определяет своего отношения к *bhayate*.

По моему мнению, др.-инд. *bhāy-*, на котором основан перф. *bibhāya* и аог. *bhema*, отражают $*/b^h h_2 e y-/$. Это корень не типа *sef*, но типа *aniḥ*. Он возник в результате вторичной реинтеграции презенса по модели более продуктивных форм I класса: $*/b^h h_2-éye-/ \Rightarrow */b^h h_2 éy-e-/$; при этом сетовая форма с нулевой ступенью (причаст. *bhīā-* 'удивленный', *ābhīru-* 'неустрашенный' и т.д.) отражает частую в индийском метатезу *Hу* в *iH*, $*/b^h h_2 i-/ > */bhīh_2-/$ (см. далее). Первичный корень мог иметь вид $*bhā-$ 'бояться' $< */b^h e h_2-/$, подобно как в случае *day-* 'делить' (неокорень из формы наст. времени *dāy-ate* $\Leftarrow d-āya-te$ $< */dh_2-éye-/$) наряду с более старшим *dā-* $< */deh_2-/$, аог. *āva adāt* 'отделил', *dā-yā-* masc. 'часть; наследство', у которого нет родственных форм с у. Метатеза ларингального была способом преобразования сочетаний согласных типа *CHу* и *CHw* в формах с нулевой ступенью и происходила по формуле $/CНу/ > /CуН/ > [CiH] > [C]$, а также $/CwН/ > [CuH] > [Cū]$, см. [Lindeman 1997, 109; Mayrhofer 1986, 175].

¹⁵ Согласно [Kuryłowicz 1935, 65], *o* из $*a < *h_2e$. Эта гипотеза кажется более приемлемой, чем трактовка *bojō* как наст. время, преобразованное из перфекта $*/b^h V-b^h oуH-/$ (сегмент *o* в качестве рефлекса ступени *o* от *eu*, см. [Bammesberger 1993, 87]), поскольку следы и.-е. перфектных образований, за исключением ст.-сл. *vědē*, являются весьма сомнительными. Др.-инд. *bibhāya*, *bibhāya* могут быть собственно индийскими, см. прим. 14. Вайан [1966, 392] также сравнивает *bojō se* с др.-инд. *bhāyate*, но приводит его наряду с перфектом *bibhāya* (sic!), так что трудно понять, с какой формой он идентифицирует *boj-* генетически.

¹⁶ Здесь обращает на себя внимание иной суффикс в ведическом транзитиве *avadāyati* 'отделяет, наделяет' $< */dh_2-yé-ti/$, см. [Mayrhofer EWAI I, 717], аог. *āva adāt* 'отделил'.

¹⁷ О суффиксе *-eye-* в исходном презенсе см. также [Kuryłowicz 1968, 278].

¹⁸ Ср. изолированное лит. (диал.) *nasā* fem. 'дырка в носу, ноздря' [LKŽ VIII, 565], которое может быть вторичным, обратным образованием от диал. *nas-rā* fem. 'ноздри' [там же]. Общелитовское образование *nas-r-ai* masc. pl. 'ноздри; морда; пасть', юго-вост. диал. *nastrāi* 'то же' родственно слав. $*nozdrī$ masc. pl. 'ноздри' $< *nōstri < праслав. *nos-r-i$ и представляет собой плюрализованную форму прабалтослав. $*nas-ra-$, по происхождению являющуюся адъективной формой ('относящийся к носу'), образованной от исходного корня в нулевой ступени. С учетом литовской словообразовательной параллели предположение о регрессивной соноризации в слав. $*nozdrī$ типа праслав. $*sr > zr (> zdr)$ или же $str > zdr$ представляется лучшим решением, чем постулирование особого суффикса $*-d^hro-$ (ср. $*nas^d^hro-$ Brugmann'a). Такая же соноризация засвидетельствована в (1) $*mēzdra$, рус. *мяздрá* 'внутренняя сторона шкуры животных' $< праслав. *mēstra < *mēs-rā-$ (ср. греч. *mēroi* pl. 'части бедра животного, принесенного в жертву', ср.-ирл. *mír* 'кусоч' (*мясной) из праие. $*/mēs-r-/$; (2) $*mēzdra$, рус. *мяздрá* 'внутренняя сторона шкуры животных', ст.-польск. *mięzdra* 'пленка на яичке', словен. *mēzdra* 'тонкая пленка на ране, внутренняя сторона коры' $< прасл. *mēstra < *mēs-rā-$ и.-е. $*/mēms-r-/$ (ср. лат. *membrum* 'член тела' $< *mēmsrom-$); а также (3) лит. диал. формы. *gaizdras* $< gaīstras < gaīsras$ 'зарво на небе; пожар' наряду с *gaīsas* 'зарво' (специально о соноризации см. [Smoczyński 1993, 70 и след.]).

¹⁹ Здесь я расхожусь с Kortlandt'ом [1985, 119], который связывает вокализм *o* слав. формы $*nos-$ с формой унаследованного гер. sg. $*/nh_2os/$. На мой взгляд, эта реконструкция является ошибочной по причине отсутствия суффиксального сегмента *-s-*, который должен предшествовать окончанию *-os*. В крайнем случае это

могла быть праформа */nh₂-s-ós/ (ср. */nh₂sés/ в [Matasović 1997, 135]); далее ср. GS */sh₂-l-ós/ 'соль', принятое Kortlandt'ом [там же] для греч. *halós*, лат. *salis*, слав. */s/- в противоположность NS */seh₂-l-s/, лтш. *sàls*, греч. *hàls*, лат. *sàl*.

²⁰ Инновационное соотношение слав. praes. *stanq* :: аог. *sta* напоминает *mutatis mutandis* соотношение греч. *histēmi* :: *éstēn*, где *histēmi*, дор. *histāmi* заменило **histāmi*, принимаемое на основании др.-инд. *iṣṭha-* < праие. */sti-sth₂-e-/. Следует также отметить, что слав. praes. *stanq* имеет соответствия в прусском: *postānai* 'wird zu, werden zu', 1 pl. *postānimai* < **pastā-ne/na-*. Stang [1966, 349, 357] считал, что *postānai* содержит суффикс *-nā-, предположительно индоевропейский. Это ошибочный взгляд. С точки зрения современной индоевропеистики, исторический суффикс -nā-, известный в греческом и древнеиндийском, следует рассматривать как результат перераспределения форм наст. времени, возникших в языке путем инфигирования *-ne-. Речь идет о праие. структуре */-ne-h₂-/ > */-na-h₂-/ > -nā-, характерной для корней seṭ с исходом на -h₂. Однако в балтийском неизвестны ни формы типа греч. гомер. *dāmnēsi* 'укрощает' < */dm-né-h₂-ti/ :: */demh₂-/, ни типа вед. *mṛṇāti* 'сокрушает' < */mṛ-né-h₁-ti/ :: */merh₂-/, ср. греч. *márnamai* 'бороться'. Отсюда следует, что в балтийском не было условий, которые бы могли способствовать образованию *-nā-. Инфигированное наст. время от */steh₂-/ 'стать' имело бы вид †st-né-h₂-ti > †stāni 'становится', ср. хет. *istanhmi* 'kosten, probieren', арм. *stanam* 'erwerben' [LIV, 536].

²¹ Здесь следует отметить одну архаичную деталь в литовском, неизвестную в славянском. Речь идет о предконсонантном *sta-C-* < */sth^a-C/ < праие. /sth₂-C-/ отраженное (1) в *nomen instrumenti stāklės fem. pl.* 'кросна, ткацкий станок' < */sth₂-tlo-/ (ср. лат. *stabulum* 'стоянка, конюшня' < **stafflom* < */sth₂-d^hlo-/); (2) в отглагольном прилагательном **stata-* 'стоящий, поставленный' < */sth^ató-/ < праие. /sth₂-tó-/ (греч. *statós*, лат. *status*, др.-инд. *sthitā-*, др.-исл. *staðr*, гот. *staþs*; слав. **stotь* неизвестно). Это **stata-* известно в целом ряде литовских образований: *stātas coll. masc.* 'ряд снопов, поставленных на поле' (= лтш. *stats masc.* 'кол, столб; ряд снопов, поставленных на поле'), *statūs adj.* 'отвесный, обрывистый, неважный (о дороге)', *stācias* < **stat-ya-* *adi.* 'стоящий, отвесный, прямой' (пог. *staciā adv.* 'прямо, напрямик'). То же самое **sta-ta-* является основой в фактивах на -yti, (*pa*)*statyti* 'поставить, строить, сооружать' (см. [Smoczyński 1992, 84]). Искусственной и выполненной без учета правил литовского словообразования является трактовка *statyti* < **sta-t-yti* с -t- в качестве элемента "редупликационного по происхождению" в [Otrębski 1965, 381], а позже у Kortlandt'a [1989, 108], считавшего *stāto* преобразованием редуплицированного praes. **stastāti* < праие. */stV-steh₂-ti/ (о том, что такое образование с полной ступенью не может быть исконным, см. прим. 19).

В качестве обоснования идеи *ṛ*, деноминативном характере *statyti* сравниваю его с *ni-mat-yti* 'наметить, предвидеть'. Оно представляет собой фактив от *mātas* 'мера, мерка' < */mh₁-tó-/ 'измеряемый, служащий для измерения', ср. вед. *vimita-* 'отмеренный' (аог. *āmāsi*, ст.-сл. *měra* 'мера'). Сюда же относится лит. *mėtai masc. pl.* 'год', которое, как кажется, представляет собой преобразованное **mātai* (вследствие смыслового сближения с *metù* 'бросаю'?). Аналогично следует трактовать и более новый деноминатив лит. *vėt-yti* 'веять (зерно)' от **vėtas* 'провеваемый' < */h₂weh₁-to-/ :: **vėti* 'веять', др.-лит. *vėja, vėjant (vė-tra* 'вихрь, сильный ветер, буря'). Наконец, ср. параллели внешние: лат. *statu-ō* 'поставить, соорудить и т.д.' в качестве фактива к *status, -ūs masc.* 'состояние'; германский деноминатив **sta-ye-* от **sta-þa-* (прим. 5).

²² Формальное соответствие слав. *stavljǫ (staviti) имеет каузативное, а не стативное значение — 'довести до вставания, задержать, поставить', см. также прим. 11.

²³ В [SP I, 252] традиционно принимается исходная праформа *bhei(ə)- 'ударять', но уже Ваган обращал внимание на взаимодействие форм, образованных от слав. *bije- :: др.-ирл. *benaid* 'ударяет, бьет' [1966, 275] и корня слав. *boja- :: лтш. *būtiēs* [там же, 392].

²⁴ Критический анализ гипотезы W. Schulze [1885] выполнял Курилович, закончив его следующими словами: "Un troisième degré vocalique plein est représenté par la voyelle longue seule (p. e. v. ind. *pātave, pātī-, pātram* etc. de la racine *pā* «boire»). Or notre théorie ne permet pas d'expliquer *ā* (longue originaire) par une simplification de *āi, āi* parce que de tels complexes phoniques n'ont jamais pu exister devant consonne" [1935, 40]. Mayrhofer [1986, 173–175] делает соответствующие выводы из этой критики, но, что странно, Куриловича он при этом не цитирует. Особую позицию занимает норвежский индоевропеист Lindeman [1997, 118 и след.]. То, что он предлагает, а именно, исчезновение исконного у в сочетаниях с суффиксом у, напр., в опгативе *(y)eh₃-yéh₁- > *peh₃-yéh₁- [там же, 121], не убеждает. Гипотезу о диссимляции вряд ли стоит развивать, поскольку она вносит излишние осложнения в современную теорию праиндоевропейского корня. То, что до сих пор рассматривалось как непронизводный корень *peh₃- 'пить', *d^heh₁- 'сосать' и т.д., превращается у Lindeman'a в продукт фонетической инновации и в "a variant root form" по отношению к предполагаемым первичным формам *pyeh₃-, *d^hyeh₁-. Поскольку с точки зрения современной теории эти последние представляют собой "thème II", т.е. *py-éh₃-, *d^hy-éh₁-, то тем самым они должны были бы основываться на "thème I" в форме *péy-h₃-, *d^héy-h₁-, однако такие формы нигде не отражены.

²⁵ *dojiti является каузативом к корню *dē- 'сосать, детвора', очевидного в *dētъ 'дети, детва'. Этот взгляд неприемлем, если принять во внимание правило ступени о. Если бы основой для каузатива было *dē-, то это правило должно было бы превратить ее в *dō- (†dajiti), ср. *sōd- < *sēd- в ст.-сл. *posaditi* 'посадить кого, что' :: *sēdēti* 'сидеть'.

²⁶ Это же касается ē в ст.-сл. *blago-dētъ* fem. 'хороший поступок, милость'. Основа *dē-ti- восходит к омонимичному корню */d^heh₁-/ как в ст.-сл. inf. *dētī* 'класть, ложить', а также в *potina abstracta* типа лит. *dētis* fem. 'носок яйца', с.-в.-н. *tāt* fem. 'деяние'. Далее ср. полную ступень ā при суффиксе -ti- в ст.-сл. *tatъ* 'вор' < *tā-ti- 'воровство' < */teh₂-ti-/ :: ст.-сл. *taji* 'украдкой, тайком', вед. *stāyāt* 'то же', ст.-сл. *tajq* 'утаиваю, скрываю' :: хет. *tāyezūl* 'крадет', вед. (s)tā-yū- 'вор'.

²⁷ Образование подобно греч. *thēlē* fem. 'женская грудь' :: лат. *filii* masc. 'сын' < *fē-l-. Ср. также лат. *fēmīna* 'женщина' < *fēmna < *d^hē-mn-ā 'сосанная, доенная'.

²⁸ Сюда же относится устар. лтш. *dīle* 'сосунок (о теленке, жеребенке, поросенке)', вокализм которого выглядит как нулевая ступень *d^hī-, но оно остается неясным из-за отсутствия современных континуантов. Может быть, здесь ē > ī вследствие семантического разуподобления с *dēle* 'пиявка'?

²⁹ Lindeman [1997, 121, прим. 127] на первом месте приводит праформу, сегментированную как */d^héyh₁-e-ti/, видя в ней реализацию той же модели, что и в др.-инд. *bhāvati* 'случается' < */b^héwH-e-ti/. Что касается *bhāvati* см., однако, [Jasanoff 1997].

ЛИТЕРАТУРА

- Bammesberger A., 1993: Zur Vorgeschichte von litauisch *žinóti*, *Linguistica Baltica*, 2. 83–90.
- Beekes R.S.P., 1988: Laryngeal developments: A survey, in A. Bammesberger (Hrsg.), *Die Laryngalthorie und die Rekonstruktion des indogermanischen Laut- und Formensystems*. Winter, Heidelberg, 59–105.
- Benveniste É., 1935: *Origines de la formation des noms en indo-européen*. Maisonneuve, Paris.
- Brugmann K., 1922: *Kurze vergleichende Grammatik der indogermanischen Sprachen*. Anastatischer Neudruck. Vereinigung wissenschaftlicher Verleger, Walter de Gruyter & Co., Berlin und Leipzig.
- García-Ramón J.L., 1993: Lat. *cēnsēvre*, got. *hazjan* und das idg. Präsens **k'ens-e-ti* (und **k̑s-éye-ti?*) 'verkündigt, schätzt', Stativ **k̑s-eH₁* - 'verkündigt, geschätzt sein/werden', in G. Meiser (Hg.), *Indogermanica et Italica. Festschrift für Helmut Rix*, Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, Bd. 72. Innsbruck. 106–130.
- Fraenkel E., LEW = *Litauisches etymologisches Wörterbuch*. Bde. I-II. Winter, Heidelberg, 1955–1965. Innsbruck.
- Jasanoff J., 1978: *Stative and middle in Indo-European*, Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, Bd. 23.
- Jasanoff J., 1997: Where does Skt. *bhāvati* come from?, in D. Disterheft, M. Huld and J. Greppin (eds.), *Studies in honor of Jaan Puhvel. Part One: Ancient languages and philology*. Washington D.C. 173–186.
- Kortlandt F., 1985: Long vowels in Balto-Slavic, *Baltistica*, 21(2). 112–124.
- Kortlandt F., 1989: Lithuanian *statyti* and related formations, *Baltistica*, 25(2). 104–112.
- Kuryłowicz J., 1935: *Études indoeuropéennes, I*. Gebethner i Wolff, Kraków. (Polska Akademia Umiejętności, Prace Komisji Językowej, 21.)
- Kuryłowicz J., 1956: *L'apophonie en indo-européen*. Zakład imienia Ossolińskich, Wrocław. (Polska Akademia Nauk, Prace Językoznawcze, 9.)
- Kuryłowicz J., 1968: *Indogermanische Grammatik*. Bd. II: *Akzent, Ablaut*. Winter, Heidelberg.
- LKŽ = *Lietuvių kalbos žodynas*. Vilnius, 1941–.
- Leumann M., 1977: *Lateinische Laut- und Formenlehre*. Beck, München.
- Lindeman F.O., 1997: *Introduction to the 'Laryngeal Theory'*, Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, Bd. 91. Innsbruck.
- LIV = *Lexikon der indogermanischen Verben. Die Wurzeln und ihre Primärstambildungen*. Unter Leitung von H. Rix unter der Mitarbeit vieler anderer bearbeitet von M. Kümmel, T. Zehnder, R. Lipp, B. Schirmer. Dr. Ludwig Reichert Verlag, Wiesbaden, 1998.
- Matasović R., 1997: Održi indoeuropskih laringala u slavenskim jezicima, *Croatica*, 45–46. 129–146.
- Mayrhofer M., 1986: *Indogermanische Grammatik*. Bd. I: *Lautlehre. Segmentale Phonologie des Indogermanischen*. Winter, Heidelberg.
- Mayrhofer M., EWA1 = *Etymologisches Wörterbuch des Altindiarischen*. Winter, Heidelberg, 1986–.

- Meiser G., 1986: *Lautgeschichte der umbrischen Sprache*, Innsbrucker Beiträge zur Sprachwissenschaft, Bd. 51. Innsbruck.
- Mottausch K.-H., 1998: «Gehen» und «stehen» im Germanischen, *Historische Sprachforschung*, 111(1). 134–162.
- Otrębski J., 1965: *Gramatyka języka litewskiego*. T. II: *Nauka o budowie wyrazów*. Państwowe Wydawnictwo Naukowe, Warszawa.
- Sadnik L. i Aitzetmüller R., 1955: *Handwörterbuch zu den altkirchenslavischen Texten*. Mouton & Co. 'Gravenhage. (Slavistic Printings and Reprintings, 6.)
- Schrijver P., 1991: *The reflexes of Proto-Indo-European laryngeals in Latin*. Rodopi, Amsterdam–Atlanta.
- Skardžius Pr., 1956: Alte Wurzelnomina im Litauischen, *Indogermanische Forschungen*, 62. 156–166.
- Smoczyński W., 1989: *Studia balto-słowiańskie*, cz. I. Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, Wrocław–Kraków. (PAN, Oddział w Krakowie, Prace Komisji Językoznawstwa, 57.)
- Smoczyński W., 1992: Priesagos -*sčias* kilmė, *Lituanistica*, 10. 83–87.
- Smoczyński W., 1993: Etimologijos pastabos, II, *Baltistica*, 28(1). 69–79.
- Smoczyński W., 1998: Il ruolo della lingua lituana per la linguistica indoeuropea, *Ponto-Baltica*, 7. 53–82.
- Smoczyński W., 1999: Uwagi do etymologii słowiańskich, in: W. Banyś, L. Bednarczuk i S. Karolak (red.), *Prace lingwistyczne ofiarowane prof. K. Polańskiemu na 70-lecie Jego urodzin*. Uniwersytet Śląski, Katowice, 326–339.
- SP = *Słownik prasłowiański*, pod red. F. Sławskiego. Zakład Narodowy imienia Ossolińskich, Wrocław, 1974–.
- Stang Chr.S., 1966: *Vergleichende Grammatik der Baltischen Sprachen*. Universitetsforlaget, Oslo–Bergen–Tromsø.
- Trautmann R., 1923: *Baltisch-Slavisches Wörterbuch*. Vandenhoeck & Ruprecht, Göttingen.
- Urbutis V., 1981: *Baltų etimologijos etidai*. Mokslas, Vilnius.
- Vaillant A., 1966: *Grammaire comparée des langues slaves*, t. III: *Le verbe*. Klincksieck, Paris.
- Walde A. und Hofmann J.B., 1938–1954: *Lateinisches etymologisches Wörterbuch*, Bde. I–II. Winter, Heidelberg.

Перевод с польского
Марины Коницкой